

Ю. Л. ПОЛУНОВ

Странная жизнь
и труды Эндрю
Борда,
тайного агента,
врача, монаха,
путешественника
и писателя

Юрий Леонович Полунов Странная жизнь и труды Эндрю Борда, тайного агента, врача, монаха, путешественника и писателя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36260831

Странная жизнь и труды Эндрю Борда, тайного агента, врача, монаха, путешественника и писателя / Ю. Л. Полунов: Алтейя;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-906980-64-9

Аннотация

Книга является первой в мире научно-популярной биографией Эндрю Борда (ок. 1490–1549), чей жизненный путь был полон неожиданных и крутых поворотов. Он становился то университетским школяром, то монахом, то тайным агентом, то путешественником, то знаменитым врачом с обширной практикой. Несмотря на неупорядоченность своей жизни, он сумел написать ряд сочинений по медицине, диетологии, путешествиям, которые пользовались большой популярностью у его современников и стали предметом рассмотрения и анализа в настоящей книге. Для широкой читательской аудитории.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	10
Молодые годы	10
«Это было началом начал...»	10
Совершенно свободные искусства	18
Медицина в Англии	29
Крутой поворот	42
Орден картезианцев	45
В монастыре и в миру	50
бегство от аскезы	50
Закон и порядок	61
Паломник поневоле	66
Чудеса, да и только!	71
Религиозные потрясения	74
Тайный агент	84
Кто вы, доктор Борд?	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Юрий Полунов

Странная жизнь и труды Эндрю Борда, тайного агента, врача, монаха, путешественника и писателя

*Владимиру Сергеевичу Макарову,
Vir excelso animo*

Предисловие

Эта книга посвящена жизни и трудам Эндрю Борда (ок. 1490–1549) – удивительного человека, жизненный путь которого был полон крутых поворотов и неожиданных событий.

Выходец из среды нетитулованного мелкопоместного дворянства, выпускник престижного Винчестерского колледжа, он становился то студентом Оксфорда и Монпелье, то доктором медицины, пользовавшимся сильных мира сего, то монахом сурового Картезианского ордена, то тайным правитель-

ственным агентом, то путешественником, объехавшим всю Европу и Северную Африку, то известным сочинителем, автором полдюжины литературных трудов.

Он добился определенного положения в обществе, но дни свои кончил в тюрьме, куда попал за якобы организацию борделя в своем доме для священников округа.

Борд интересен не только *per se*¹, но и тем, что, несмотря на неупорядоченность своей жизни, сумел написать ряд сочинений, которые стали *первыми английскими книгами* по выбранной им тематике: путеводитель по «странам христианского мира и вокруг них» с первой в мире записью цыганского языка, труды по домостроительству и предсказаниям. К ним следует добавить сочинения по правилам здорового образа жизни и диетологии, по домашней медицине, астрономии и некоторые другие. Написанные не университетской латынью, а родным языком, эти труды были доступны широкой читательской аудитории и завоевали большую популярность.

Еще при жизни и много лет спустя Борда называли в Англии «Весельчаком Эндрю» (*Merry Andrew*). Историки в большинстве своем сходятся на том, что это прозвище он получил из-за того, что, выступая как популяризатор медицинских знаний на рынках и других местах скопления людей

¹ Сам по себе (лат.).

(что было в обычаях времени), он сопровождал свои рассказы шутками, присказками и забавными историями. И в наши дни это прозвище в солидных англо-русских словарях является синонимом шутника, балагура, шута.

К сожалению, портрет Борда не сохранился, и неизвестно, существовал ли он вообще. Те оттиски с деревянных гравюр, которые издатели помещали в его книги как вроде бы запечатленный образ автора, представляют собой продукт чистой фантазии, равно как и портрет Борда красками, сделанный в начале XIX века.

Многие наблюдения, медицинские рекомендации и рецепты Борда вызовут у читателя улыбку: но будьте снисходительны к автору, памятуя, что их «возраст» перешагнул четыре с половиной столетия; что, по словам Фрэнсиса Бэкона, *veritas filia temporis* (истина – дочь времени); что «один век может судить другой век, но человек может быть судим только его веком».

Чтобы как-то «оправдать» Борда (хотя он и не нуждается в оправдании), я поместил рядом с отрывками из его книг цитаты из трудов авторитетных авторов (в основном, XVI века), писавших на ту же, что и он, тематику: они, главным образом, заимствованы из сочинений Томаса Элиота (ок. 1490–1546), Уильяма Буллейна (ум. 1576), Томаса Когэна (ок. 1545–1607), Томаса Моффета (1553–1604) и Уильяма

Воана (1575–1641). Кроме того, желая «приблизить» читателя к XVI веку, дополнил основной текст книги Приложениями, содержание которых связано с некоторыми вопросами истории, культуры и быта англичан Тюдоровской эпохи.

Библиография работ о жизни и творчестве Борда весьма скудна, причем они «распределены» во времени неравномерно: в XVI–XVII веках его имя редко упоминалось в литературе, и лишь в следующем веке появилось несколько его биографий, страдавших неточностями, во многом повторявших друг друга и включенных авторами в виде глав в книги более общего содержания. Пожалуй, единственным источником, заслуживающим доверия, является очерк жизни и трудов Борда, написанный викторианским литератором Ф. Д. Фэниуэллом¹ и предваряющий изданный им в 1870 году том основных сочинений нашего героя.

В прошлом и настоящем веках цитаты из трудов Борда можно довольно часто встретить в книгах по истории медицины, диетологии и этнографии; кроме того, сравнительно недавно появилось две интересные статьи английских исследователей Кэти Шренк и Роберта Меслена, посвященных отдельным сочинениям нашего автора.

Однако подробная биография Борда, включающая изложение и анализ его трудов, отсутствует, и хотелось бы надеяться, что лежащая перед читателем книга в какой-то мере восполнит этот пробел.

Книга адресована широкой читательской аудитории, и, в целом, не требует от читателя подготовки, выходящей за пределы школьных курсов. Не премину, однако, процитировать известного историка и философа Робина Д. Коллингвуда: «Чтение любых историй требует определенного терпения, более или менее вознаграждаемого удовольствием». Автор книги был бы счастлив, если время, затраченное на ее чтение, компенсировалось хотя бы скромным удовольствием.

Работая над рукописью, я обращался к многочисленным литературным источникам и старался следовать Даниилу Заточнику, который «..яко пчела, падая по различным цветам и совокупляя медвяны сот... по многим книгам набирая сладость словесную и разум, и совокупих аки умех». Читателю судить, насколько автор «умех совокупих», и я буду искренне признателен всем, кто не сочтет за труд сообщить мне по адресу *polunovy@mail.ru* свои замечания и указания на допущенные неточности и другие погрешности.

Книга написана от первого лица, поскольку «называть себя в печатных изданиях «мы» имеет право только президент, редакторы и больные солитером» (Марк Твен).

Все переводы с английского языка раннего Нового вре-

мни выполнены автором, если не сказано обратное. Я не стремился к аутентичности перевода, мне лишь хотелось как можно ближе передать сущность оригинала.

Хочу выразить искреннюю благодарность за поддержку и содействие в работе Александру Юрьевичу Полунову, Валерию Владимировичу Шилову, Андрею Ивановичу Козлову, Игорю Александровичу Савкину и особенно Владимиру Сергеевичу Макарову, одарившего автора радостью общения с ним и оказавшего неоценимую помощь советами и переводом наиболее «темных» мест в книгах Борда.

Как всегда, моя любовь и признательность Нине Алексеевне Полуновой – первому читателю, суровому и объективному критику всех моих книг.

Глава I

«Вверх по лестнице, ведущей вниз»

Как прийти к достойному концу [жизни]?

Отвечу:

- Умножай славу Божью,*
- Сохраняй память о мертвых,*
- Подавай пример живым,*
- Радуй Читателя,*
- Получай доходы честным путем.*

Томас Фуллер²

Молодые годы

«Это было началом начал...»

В графстве Западный Сассекс, на одном из невысоких холмов, возвышающимся над живописной долиной, которая орошается водами нескольких неспешных речушек, в XVI веке стоял небольшой особняк³, названный его владельцами «Холмом Борда»⁴. Здесь около 1490 года родился мальчик, которого называли Эндрю – вот почти и все, что более или менее достоверно известно о начале жизни нашего ге-

роя⁵. Можно предположить, что он вышел из среды джентри – нетитулованного мелкопоместного дворянства.

Впрочем, еще известно, что у него был старший брат, выпускник Парижского университета и доктор богословия, которого звали Ричард и который с 1520 года занимал место викария² церкви в Певенси (деревня, расположенная в двадцати милях от «Холма Борда» и в пяти милях от залива Певенси Бэй) и обладал в этой деревне значительной недвижимостью. Убежденный католик, он во время Реформации эмигрировал из страны (это произошло около 1540 года), сказавши, что «предпочел бы быть разорванным дикими лошадьми, чем согласиться с уменьшением, хотя бы на йоту, власти римского епископа (то есть, римского папы. – Ю. П.)».

Патриция Е. С. Флетчер в очерке жизни Борда высказала предположение, что «он получил хорошее образование: сначала в грамматической школе, находившейся в Кукфильде³, а затем в Винчестерском колледже, в который поступил в восьмилетнем возрасте». Гипотеза Флетчер относительно учебы нашего героя в Кукфильде неверна: действительно, в этой деревне, при одной из старейших в Англии церкви св. Троицы находилась грамматическая школа, которую основал на свои средства богатый лондонский купец Эдмунд

² Викарий (лат.) *vicarius* – заместитель, наместник) – священник, помощник церковного настоятеля при осуществлении пастырского служения.

³ Кукфильд – деревня в графстве Западный Сассекс.

Флауер. Но это событие произошло лишь в 1512 году, и поэтому Борд никак не мог в ней учиться. Что же касается обучения в Винчестерском колледже, то разыскания нескольких историков XIX века подтверждают, что оно «имело место быть».

Впрочем, весьма вероятно, что еще до поступления в колледж юный Эндрю получил элементарные познания в одной из так называемых *Petty School* (что можно перевести как «Школа для маленьких»). Эти школы, которые, как правило, размещались в доме учителя, были весьма распространены в Тюдоровскую эпоху; в них дети в возрасте от пяти до семи лет обучались навыкам чтения и письма на родном языке, простейшим молитвам, а в редких случаях – навыкам сложения и вычитания и... правилам поведения в обществе.

Следующим этапом в образовании английских школьников из семей среднего класса была учеба в *грамматических школах*, которые назывались так потому, что основными предметами, преподававшимися в них, были латинская грамматика и классическая литература (после религиозной Реформации к латыни иногда добавлялся греческий и древнееврейский языки). Хотя Гуттенберговы прессы уже работали в стране, учебников было не много и они были доступны далеко не каждому. Поэтому обучение велось «с голоса» или с помощью так называемых «хорнбуков».

Это слово образовано из двух слов: *horn* – пластина, изготовленная из рога животного; *book* – книга. В

англорусских словарях это составное слово переводится как «букварь, азбука». В XV–XVI веках *хорнбук* представлял собой лист пергамента с нанесенным на него прописными и строчными буквами алфавита, слогами в виде таблицы, римскими цифрами или короткими молитвами (**рис. 1**). Такой лист крепился на пластину, которая изготавливалась из рога овцы или козы, покрывался прозрачной слюдой, и устанавливался в рамке, изготовленной из различных материалов: дерева, слоновой кости, меди и так далее. Рамка имела ручку, в которой просверливали дырочку; через отверстие пропускали тонкий ремешок, позволявший детям вешать *хорнбук* на пояс или на шею.

В грамматической школе детей учили сочинять латинские стихи и писать эссе на латыни; говорить на родном языке строжайше запрещалось даже вне учебных часов, и специальный осведомитель, которого школьники называли *lupus* (волк), должен был доносить на тех, кто нарушал этот запрет. В школьных программах значилось и обязательное изучение латинских классиков, обучение катехизису и основаниям некоторых наук, в частности, риторике и диалектике. Для некоторых учеников (главным образом, «тупых», не способных впоследствии поступить в университет), преподавались и начала точных наук.

Грамматической школой, в которой учился Борд, как уже говорилось, был Винчестерский колледж⁶, сыгравший важную роль в образовательном и культурном прогрессе Ан-

глии. Он был основан Уильямом Уикэмом (ок. 1320–1404 – выдающимся церковным и государственным деятелем, епископом Винчестерским и Лордом-канцлером королей Эдуарда III (1312–1377) и Ричарда II (1367–1400), задавшим целью улучшить образование английского духовенства и клерков государственного аппарата. Колледж находился в небольшом городке Винчестер в графстве Хэмпшир (соседним с графством Западный Сассекс), в ста десяти километрах от Лондона.

С Винчестером (или, вернее с епископами Винчестерскими) нам придется не раз еще встретиться на страницах этой книги, поэтому стоит вкратце познакомиться с его величественным храмом и замком. После нормандского завоевания Англии на месте старой саксонской церкви в 1079 году заложили Собор, перестроенный в 1393 году готическом стиле.

Он является одним из старейших соборов в мире и превосходит все средневековые готические храмы по длине своего нефа (около 170 метров). Здесь проходило коронавание принцев, венчание монарших особ (в частности венчание Марии Тюдор с Филиппом II Испанским), здесь нашли последний приют выдающиеся иерархи и короли: Альфред Великий (ок. 849–899), король Дании, Англии и Норвегии Кнуд Могучий (994/ 995-1035), король Англии Вильгельм II (ок. 1056/1060-1100) и другие, а также те, кто составлял гордость страны. По легенде в главном зале Винчестерского замка, развалины

которого сохранились до наших дней, собирались рыцари Круглого стола во главе с королем Артуром – главным героем британского эпоса и рыцарских романов.

Рис. 1. *Мудрость, держащая хорнбук и открывающая дверь в Знание ученику*

В 1382 году Уикэм получил Королевскую грамоту, разрешающую основание колледжа, через пять лет, после одобрения его замысла папой Урбаном VI, началось строительство

главного здания⁴, а через семь лет в «школе Уикэма» появились первые ученики. По словам основателя колледжа «это было учебное заведение для семидесяти бедных и нуждающихся школяров⁷ ..., живущих в нем корпоративно (*college-wise*) и совершенствующимся в искусстве грамматики и правил». Но, помимо «нуждающихся школяров», здесь также «без ущерба для остальных обучались сыновья благородных и могущественных людей, особых друзей упомянутой школы, числом до десяти». Теоретически, двери в грамматические школы были открыты каждому ребенку, даруя бесплатное обучение и малоимущим. Однако большинство детей бедняков не посещали школы: для их родителям экономически важнее был даровой труд сыновей.

Дети зачислялись в школу, как правило, в возрасте семи-восьми лет, а покидали ее примерно в двенадцать-четырнадцать (это был обычный возраст поступления в университет). Примерное «распределение» школьных предметов в зависимости от возраста учеников было таким:

– семь лет – изучение частей речи, глаголов и существительных;

– восемь лет – правила грамматики и конструкция предложения;

– девять лет – перевод с английского языка на латынь и обратно;

⁴ Строительство осуществлялось под началом мастера Уильяма Уинфорда (ум. 1405), ранее руководившего работами в Виндзорском замке,

– от десяти до четырнадцати лет – совершенствование в переводах с латыни, изучение трудов великих классиков – Овидия, Горация, Вергилия, Цицерона, Сенеки, Саллюстия и Тита Ливия и других, освоение основ религиозных установлений и (по желанию родителей ученика) получение начальных сведений по арифметике и астрономии.

Правила учебы и поведения школьников были суровы: они «поднимались ото сна» в шесть часов утра летом и на час позже зимой и трудились примерно двенадцать часов в день (с двухчасовым перерывом на обед), а учебная неделя длилась шесть дней. Ученики всех классов обычно занимались в одном помещении: школьники повзрослее – под руководством учителя, младшие – под присмотром своих старших соучеников или привратника. Пища их была скудной, а одежда простой. Категорически запрещалось следовать светской моде: загибать вверх носки башмаков, носить красные или зеленые подвязки, украшать капюшоны кисточками. Не разрешалось также играть в мяч и держать собак, хорьков и ястребов в школьных помещениях. Баловники и нерадивые подвергались по пятницам жестокой порке – по мнению тогдашних педагогов наиболее эффективному средству воспитания. Порка одобрялась и церковью, которая учила, что «природа человека греховна, а телесные наказания способствуют очищению и спасению души».

Совершенно свободные искусства

Следующей школой Борда (на этот раз Высшей) стал Оксфордский университет, в который он поступил в возрасте двенадцати или четырнадцати лет (возможно, ок. 1502 года). Историкам не удалось найти документы, позволяющие установить, в каком из девяти колледжей Оксфорда, существовавших к началу XVI века, учился Эндрю, но большинство исследователей полагают, что это был Новый колледж. Дело в том, что Уикэм был инициатором так называемого «связного образования», при котором учащихся грамматической школы готовили к поступлению в определенный колледж университета (надо думать, что при этом заранее были согласованы учебные программы двух образовательных институций)⁸. В ноябре 1379 года епископ купил участок земли в Оксфорде, и получил разрешение короля на основание нового университетского колледжа. Руководителем строительства Уикэм выбрал все того же Уильяма Уинфорда, поэтому два образовательных учреждения имели поразительную архитектурную схожесть.

Первоначальное название колледжа, который принял первых студентов⁵ в апреле 1386 года, звучало так: «Колледж св. Марии, [расположенный] вблизи Винчестера». Но поскольку в Оксфорде уже был колледж, посвященный «Благосло-

⁵ От лат. *studere* – учить, заниматься, изучать.

венной Деве Марии» (позднее он получил название «Ориел-колледж»), то во избежание путаницы после завершения строительства «Колледж св. Марии...» начали именовать Новым Колледжем.

В каждом колледже Оксфордского университета тех лет (как и в большинстве других университетов Европы) было четыре факультета⁶. Младший из них, подготовительный, назывался факультетом искусств (*facultas artium*). Занимаясь на нем, студенты познавали предметы, которые входили в состав так называемых «семи свободных искусств» (*septem artes liberales*): грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

Формирование круга упомянутых дисциплин началось еще в эллинскую эпоху, а завершилось в Европе в Средние века. Замечу, что в Риме *artes liberales* назывались занятия, достойные свободного человека, в отличие от занятий, требующих физического труда (*artes mechanicae*), например, живописи и скульптуры, которыми могли заниматься и рабы.

Чтобы вкратце рассказать о *свободных искусствах*, нам придется потревожить тени трех отцов средневековой педагогики: Капеллы, Боэция и Кассиодора.

Писатель, философ и ритор (учитель красноречия, ораторского искусства) Марциан Минней Феликс Капелла в

⁶ От лат. *facultas* (букв. «способность»). Первоначально слово обозначало особую область знаний, но потом его значение было перенесено на саму корпорацию преподавателей конкретного предмета.

первой половине V века н. э. написал трактат «О бракосочетании Филологии и Меркурия», в котором в аллегорической форме говорилось о свадебном торжестве во дворце Юпитера, расположенном на Млечном пути. Все персонажи трактата были олицетворениями отвлеченных сил и понятий: например, бог Меркурий (греческий Гермес) являлся воплощением познавательной способности; кроме того, в трактате действовали персонифицированные Справедливость, Бессмертие и так далее. Самому бракосочетанию посвящены первые две «книги» (части), последующие были отданы изложению семи свободных искусств, которые Капелла совокупно назвал *disciplinae cyclicae*, то есть энциклопедией.

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (ок. 480-ок. 524 – «последний римлянин», крупнейший деятель светской образованности Средневековья, философ, переводчик и комментатор Аристотеля, а также магистр оффиций⁷ в правительстве остготского государя Теодориха Великого (451–526), основываясь на книге Капеллы, первым в Средневековье разделил искусства на две группы. В первой из них – *тривиум* (*trivium*, трехпутье) – было собрано гуманитарное знание (грамматика, риторика, диалектика). Вторая группа – *квадривиум* (*quadrivium*, четырехпутье) – объединяла точные науки (арифметику, геометрию, астрономию и музыку, ко-

⁷ *Magister officiorum* – один из высших гражданских чиновников в Поздней Римской империи.

торая рассматривалась как математико-эстетическая дисциплина). Позднее (в раннее Новое время) в квадриум включили также натуральную, моральную и метафизическую философию.

Наконец, современник Боэция Флавий Маги Аврелий Кассиодор Сенатор (ок. 487-ок. 578 – писатель и ученый, а сверх того, хитроумный придворный и бессменный секретарь Теодориха Великого, успешно избежавший не только кинжала или яда, но и болезней (и поэтому перешагнувший девяностолетний рубеж жизни), в книге «Наставления в науках божественных и светских» окончательно закрепил деление искусств на две группы и показал, что знание *septem artes liberales* необходимо для понимания Священного Писания.

В чем заключался учебный процесс в университетах Средних веков и раннее Новое время? Основными формами обучения были утренние и вечерние лекции (*lectio*)⁸, а также диспуты (*disputatio*). На утренних лекциях (которые, кстати, начинались в семь часов) преподаватель зачитывал отрывок из выбранного им трактата, принадлежащего перу признанного авторитета, выделял основную проблему, затем разбивал ее на отдельные вопросы (*quaestio*) и комментировал их. Эти лекции должны были посещать все студенты; вечерние же лекции были необязательными – на них уже другой преподаватель повторял или растолковывал то, что было сказано утром, уделяя особое внимание отдельным вопросам.

⁸ Одно из значений *lectio* (лат.) – читать вслух.

Диспуты, позволявшие развивать умение вести полемику, устраивались еженедельно. Их участникам позволялось вести себя раскованно и прерывать выступления оратора свистом и криками. Диспуты походили на спор схоластов и часто проводились, на отвлеченные, не имеющие отношения к реальной действительности темы; некоторые из них звучат для нас странно, например:

- «Сколько ангелов может поместиться на конце иглы»?;
- «Соленое ли море»?;
- «Должны ли женщины получать образование»?;

Будущие юристы сходились на том, что меч в руках принца важнее закона; философы утверждались во мнении, что органы чувств не могут ввести в заблуждение их обладателей; и прочая, и прочая. Недаром великий полимат Роджер Бэкон (ок. 1214 – после 1292) в трактате «О врачебных ошибках» бичевал «толпу медиков», предававшихся «обсуждению бесконечных вопросов и бесполезных аргументов». Через четыре столетия его однофамилиц Фрэнсис Бэкон (1561–1626), великий философ и историк, сетовал в своем «Новом Органоне» о том, что «громкие и торжественные диспуты часто превращаются в споры относительно слов и имен».

В качестве примера такого диспута приведу описание публичного спора француза Герберта из Ориийяка (ок. 945-1003), бенедиктинского монаха, преподавателя знаменитой кафедральной школе при

Реймссском соборе и впоследствии римского папы Сильвестра II, с Отрихом, монахом монастыря св. Маврикия в Магдебурге и преподавателем школы этого монастыря. Хотя диспут состоялся в декабре 980 года, то есть примерно за пять столетий до событий, о которых идет речь в настоящей книге, «содержательность» подобных диспутов мало изменилась.

«Герберт: Конечная причина, то есть цель философии заключается в познании Божественного и человеческого.

Отрих: Такое определение слишком многословно. Философ должен быть краток, а цель философии можно определить одним словом.

Герберт: Далеко не все причины или цели могут быть определены одним словом. Платон, например, определяет причину сотворения мира тремя словами: «добрая воля Бога».

Отрих: Но слово «добрая» в этом определении излишне, так как Бог не может желать зла.

Герберт: Бог действительно не может быть злокозненным, однако слово «добрая» имеет все-таки здесь логическое значение. По своей субстанции Бог только добр, все же сотворенное им является причастным добру. Поэтому упомянутое слово поставлено здесь с целью одновременно определить и саму сущность Божественной природы. Кроме того, для доказательства того, что не всякая причина может быть выражена одним словом, скажу, что

причину тени нельзя выразить короче формулы: «тело, противопоставленное свету».

И так далее, и тому подобное....

Изучение грамматики в университетах сводилось к освоению краткой теории словесности, к чтению и анализу сочинений римских классиков и церковных книг.

Сначала ученикам давались понятия о трех главных родах поэзии: драматической, повествовательной и смешанной. Драматическая поэзия делилась на трагическую, комическую, сатирическую и мимическую; повествовательная – на ангелитическую, историческую и дидактическую; смешанная – на героическую (Гомер) и лирическую (Гораций).

Затем преподаватель читал текст произведения и давал объяснения, которые складывались из грамматического комментария (*littera*), первоначального объяснения текста (*sensus*) и его дальнейшего анализа (*sententia*). Просодию – учение о стихотворных размерах и ритмах – изучали на примерах, заимствованных из Вергилия и Овидия.

Практическая часть курса заключалась в толковании отдельных вопросов Священного писания и сочинениях на сюжеты из Библии и Житийной литературы.

Знание риторики – матери красноречия – было необходимо, чтобы правильно строить фразы при чтении проповедей на заданную тему, а также при составлении по имеющимся образцам (*formulae*) различных юридических бумаг – официальных писем, завещаний, грамот (в связи с чем учеников

знакомили с основами Римского права и права канонического, то есть, церковного).

Диалектика (логика) заключалась в подготовке к ведению споров на религиозные темы, к защите догматов веры, в методах отыскания духовных истин посредством дискуссий, в искусстве логического рассуждения и его языкового выражения. Знание диалектики ценилось очень высоко, так как она учила правильно мыслить, строить аргументы и доказательства и должна была подготовить будущих клириков⁹ к диспутам на религиозные темы, защите церковных догматов и опровержению ересей.

Точные науки в английских университетах находились «в загоне», и неудивительно, что к началу раннего Нового времени Англия оказалась в арьергарде европейской математической и астрономической культуры. Достаточно сказать, что к концу XV века в Италии, например, было издано около двухсот математических трактатов, в Англии же первая книга, посвященная исключительно арифметике, вышла лишь в 1522 году. Она была написана латынью, называлась «Искусство вычислений в четырех книгах», содержала двести пятьдесят девять страниц в формате *in quarto* и принадлежала перу замечательного гуманиста, дипломата, церковного и государственного деятеля Катберта Танстола (1474–1559).

⁹ Клирик – церковнослужитель, духовное лицо, отличное от мирян. Клир (от греч. κλήρος,) означает «доставшийся по жребию удел» (когда-то христиане считали себя «уделом божьим» среди язычников).

Поэтому до выхода этой книги университетские преподаватели учили счету и вычислениям, основываясь на сочинениях Боэция, англосаксонского монаха-бенедиктинца Беды Достопочтенного (ок. 672–735), основателя средневекового энциклопедизма севильского епископа Исидора Испанского (ок. 560–636) и англосакса Алкуина (ок. 735–804 – выдающегося средневекового мыслителя, богослова и поэта, приглашенного Карлом Великим к императорскому двору и возглавившего просветительское движение, которое в истории именуется Каролингским Возрождением.

Замечу, что арифметика, кроме «торговых надобностей», использовалась и для мистического толкования чисел, встречающихся в Священном Писании. Алкуин, например, утверждал, что число существ, созданных Богом, есть шесть, так как шесть – число совершенное (оно равно сумме своих делителей: $1+2+3$); 8 – число с недостатком, так как сумма его делителей $1+2+4 < 8$ (по этой причине вторичным своим происхождением человечество обязано числу 8: таково число душ, бывших в Ноевом ковчеге).

Геометрия в Университетах изучалась по «Началам» – главному труду величайшего математика античности Евклида, написанному около 300 года до н. э. и в латинских переводах хорошо известному в средневековой Европе. Но изучение это было весьма поверхностным (Р. Бэкон писал, что его оксфордские студенты, как правило, стремились узнать лишь первые четыре постулата Евклида, про-

стые и очевидные, а пятый постулат презрительно именовали *pons asinorum* – «мостом для ослов»⁹). Поэтому преподаватели большую часть учебного времени посвящали примерам решения некоторых элементарных геометрических задач, встречающихся, например, в землеустройстве, а также сообщали некоторые, порой весьма фантастические сведения о различных странах, землях и населявших их народах (!).

Астрономию преподавали по «Трактату о сфере» (ок. 1230), принадлежавшему перу выпускника Оксфорда, а позднее профессора Сорбонны, Джона Холивуда (ок. 1195 – ок. 1256), более известного под латинизированным именем Иоанна Сакробоско. В этом трактате, который на протяжении четырех веков был общепринятым учебником астрономии в европейских университетах, излагались основы сферической геометрии и геоцентрической (птолемеевской) системы Мира; студенты получали сведения о созвездиях и Знаках Зодиака; их обучали определять время восхода и захода светил с помощью простейшей астролябии (старинный астрономический инструмент). Знание начал астрономии было необходимо для определения сроков наступления христианских праздников. Так, вычисление дней празднования Пасхи (пасхалий) основывалось на совпадении солнечного и лунного времен каждые девятнадцать лет.

Главным и, пожалуй, единственным руководством при изучении последнего искусства *квадривия* было «Наставле-

ние к музыке» Боэция. Музыка – это учение о гармонии, о мере, о пропорциональных соотношениях, о числах, на которых основаны музыкальные модуляции. Даже космос построен на принципах музыкальной пропорциональности: отношения между семью небесными сферами равны отношениям, выражающим музыкальные интервалы. «Тот является музыкантом, – учил «последний римлянин», – кто приобрел к музыкальной науке, руководствуясь точными суждениями разума, посредством умозаключений, а не через исполнение...».

Освоив предметы *тривия* (на что уходило три-четыре года) и, сдав необходимые экзамены, студент удостоивался степени бакалавра искусства (*baccalaureus artium*, сокращенно *B. A.*) и мог (если пожелал) приступить к изучению предметов *квадривия*, чтобы получить (в среднем через три года) степень магистра искусств (*magister artium*, сокращенно *M. A.*), дававшую возможность «преподавать повсюду» (*licentia ubique docendi*).

После же успешного овладения семью свободными искусствами студент получал право поступить на один из старших факультетов университета, где изучались «высшие науки» (*superior science*) – богословский, медицинский или юридический факультет.

Медицина в Англии

В анналах Оксфордского университета отсутствуют записи об учебных успехах Борда, в частности, о полученных им первых ученых степеней. Однако не вызывает сомнений, что он успешно окончил подготовительный факультет и в качестве дальнейшей специализации выбрал медицину. Остается лишь гадать, почему он не остановил свой выбор на богословском факультете и не последовал старшему брату Ричарду, отказавшись от карьеры священнослужителя. Возможно, причиной были материальные соображения – врачевание в те годы оплачивалось неплохо (особенно, если врач имел университетский диплом).

Но сколь глубоким было бы образование Борда на медицинском факультете?

В первой половине XVI века английская медицина и методика обучения будущих врачей были отрешены от реальной жизни и еще не утратили своего средневекового, схоластического характера. Практическая подготовка учащихся не входила в задачи университета, хирургия же, как правило, вообще не преподавалась, и изучение медицины, сводилось, в основном, к изложению, толкованию и обсуждению текстов знаменитых врачевателей древности. Студенты заучивали наизусть то, что говорили профессора, читав-

шие с кафедры тексты античных или арабоязычных авторов и дававшие комментарии к ним (позднее бурный рост книгопечатания в Венеции, Базеле, Лионе, Париже и Лондоне позволил студентам по относительно доступной цене приобретать учебную литературу, и это, конечно, облегчало им жизнь). Известность же профессора определялась, прежде всего, степенью его начитанности, умением подтвердить высказанное положение цитатой из литературного источника. Непререкаемыми авторитетами для университетских преподавателей были знаменитые медики прошлого: грек Гиппократ, врач римских императоров Гален (также имевший греческое происхождение), персы Ибн-Сина (Авиценна) и ар-Рази и некоторые другие арабские и еврейские врачи, трактаты которых в Средневековье активно переводились на латинский язык.

Здесь следует напомнить, что в VII–VIII веках арабы, сплотившись под зеленым знаменем пророка Магомета, покорили Персию, Среднюю Азию, Ирак, Афганистан, Египет, всю северную Африку, Палестину, Сирию, часть Индии, Малой Азии и Закавказья и большую часть Пиренейского полуострова, которую завоеватели называли Андалусией. В результате этих завоеваний сложилось монолитное теократическое государство – Багдадский халифат, из которого позднее выделился самостоятельный Кордовский халифат. Правители халифатов всячески поощряли развитие наук и искусств в подвластных им землях, и на

огромной территории возникла новая культура, которая достигла небывалого расцвета в IX–XI веках. В то время как Европа переживала интеллектуальный упадок, в мусульманских странах расцветали философия, математика, астрономия, историография, лингвистика, химия, медицина, фармакология, техника, литература и архитектура. Правители халифатов, борясь с иноверцами, не запрещали своим ученым пользоваться знаниями, заимствованными из книг греческих, индийских, китайских авторов. Более того: халифы щедро оплачивали перевод этих книг на арабский язык, которые затем переводились европейцами на латынь (равно как переводились и оригинальные арабские трактаты). Благодаря такой двойной «трансформации», Европа открыла для себя естественнонаучные, математические и философские труды великих греков (греческий язык в Средние века был почти забыт).

Гиппократ (ок. 460–377 гг. до н. э.) называют «Отцом медицины» потому, что он первым выделил ее в самостоятельную отрасль знания. На ее развитие огромное влияние оказал так называемый «Гиппократов свод», включавший свыше шестидесяти сочинений (в том числе знаменитую «клятву Гиппократа»). Длительное время «Свод» считался созданием одного автора; теперь же он рассматривается как продукт творчества многих лиц, живших в разное время (ориентировочно между 410 и 360 годами до н. э.), хотя и принадлежавших в основном к одной медицинской традиции.

Этот труд впервые был переведен на латынь и издан в 1525 году в Риме, а годом ранее греческая версия была опубликована в Венеции. На английском языке те части «Свода», которые касались хирургии, впервые были переведены в 1597 году Питером Лоу (ок. 1550–1610), шотландским хирургом и одним из основателей Королевского общества врачей и хирургов в Глазго.

Отмечу некоторые положения, которые связывают с именем Гиппократом.

– Он предложил так называемую *гуморальную теорию* жизнедеятельности человеческого организма, доминировавшую в европейской и арабской медицине на протяжении четырнадцати (!) столетий;

– заложил основы учения о четырех типах личностей или о *четырёх темпераментах*, под которыми он понимал физиологические и психологические особенности людей, объясняющие индивидуальные различия в их поведении и преобладающих эмоциях;

– учил, что эффективней любых лекарств выздоровлению больного способствует следование правилам здорового образа жизни (а дальнейшем науку о комплексе этих правил назовут *диететикой*);

– утверждал, что болезни не привносятся в организм человека сверхъестественными силами¹⁰, а кроются в самом организме¹⁰, являясь следствием неблагоприятных при-

¹⁰ Исключение составляют такие болезни, как, например, чума, «семена»

родных факторов, нарушения питания, дурных привычек и негодного образа жизни человека;

– советовал лечить не болезнь, а больного, не увлекаться теоретизированием, а накапливать опыт у постелей пациентов, тщательно наблюдать за ними, обращать внимание на мельчайшие особенности в поведении, изменении температуры тела, частоты дыхания, внешнего вида и использовать естественные способности организма в борьбе с болезнью.

Как подчеркивал в книге «Опыт прагматической истории фармакологии» один из первых историков медицины, профессор университета в Галле Карл Шпренгель (1766–1833), «Гиппократ продемонстрировал бесполезность всяческих теорий и доказал, что единственно наблюдение может лежать в основе медицинского метода».

Основы гуморальной теории, учения о темпераментах и о диететике будут рассмотрены в гл. IV, сейчас лишь замечу, что античные авторитеты вслед за Гиппократом полагали, что в человеческом организме присутствуют четыре гужора¹¹ (*телесных сока или жидкости*): *кровь, черная (или темная) желчь, желтая (или светлая) желчь, слизь (флегма)*. В процессе переваривания пищи они превращаются в телесные соки, которые питают тело, обеспечивая его существование. *Гуморы* должны находиться в определенном соотношении между собой, и нарушение

(*seeds*) которой распространяются по воздуху.

¹¹ От *υῦρό* (греч.) или *humor* (лат.) – жидкость.

такого баланса приводит к возникновению болезней.

Живший спустя шесть столетий Гален¹² (ок. 130-ок. 200/217) обобщил и развил идеи Гиппократов и других античных медиков, стремясь привести в систему многочисленные умозрительные построения. Терапия Гиппократов исходила из принципа: перед врачом поставлена задача излечить больного, и если это ему удалось, то совершенно безразлично, как он это сделал. Гален же искал причины болезни, то есть ставил целью создание каузальной медицины. Однако у него, как и у многих его последователей, еще не было достаточной основы – он мыслил телеологически и интересовался назначением каждого органа, а не его строением и функцией. Многочисленные труды Галена, к тому же одобренные католической церковью, были основным источником, из которого черпали знания многие поколения врачей. Гален был исключительно плодовитый автор: ему приписывают порядка четырехсот сотни работ по медицине, философии и филологии, переведенных на латынь и изданных в XVI веке в Венеции, Париже, Лионе, Риме, и Базеле.

Немецкий историк медицины Карл Зудгоф (1853–1938) писал: «В лице Галена пылкий исследовательский греческий гений в области врачебного искусства потерял своего последнего великого представителя. Как яркая вечерняя заря,

¹² Точное имя Галена не установлено, но обычно его именуют Клавдием (*Claudius*).

долго еще светил он грядущим поколениям и в течение многих веков служил путеводной звездой. Но ни одному греку, ни одному римлянину не суждено было уже подняться до той высоты исследователя, на которой стоял Гален, и его самого даже не решались признать за образец к которому следует стремиться: «*Ου παντοσαυδροσεξ Γαληνον εσθ' ο πλους*— не всякий направляет свой парус к цели, к Галену».

Самым знаменитым трудом великого врача и полимата Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина (980-1037), известного на Западе как Авиценна, была энциклопедия «Канон врачебной науки», в котором были обобщены предписания античных и арабских медиков. Книга служила неисчерпаемым источником знаний для тех, кто познавал медицину в европейских университетах, начиная с Высокого Средневековья, то есть с середины XI и до конца XIV веков (рис. 2).

Еще одна медицинская энциклопедия, получившая широкое распространение в Средневековом мире, принадлежала перу другого восточного автора – персидского врача, алхимика и философа Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази (ок. 865-ок. 925/935), известного в Европе как Разес или Рази. Его труд, состоявший из двадцати пяти томов, назывался «Всеобъемлющая книга по медицине», был переведен на латынь в XIII веке и издан под названием «Книга Основ». Наряду с «Каноном» Авиценны она активно изучалась в европейских университетах (в частности, была одной из девяти

ти книг, составлявших библиотеку медицинского факультета Сорбонны в 1395 году)

Рис. 2. *Гален, Авиценна и Гиппократ*

Наряду с гуморальной теорией, важную роль во врачебном деле играла астрология. Ее адепты утверждали, что сущность реальности состоит во взаимной зависимости земных и небесных материальных сил, а источником всего, что происходит на земле, является тепло (свет) и циклы движения небесных тел. Врачи-астрологи поддерживали концепцию возникновения заболеваний вследствие «разбалансированности» гуморов, но утверждали, что возникший дисбаланс

зависит от определенного положения, Луны, Солнца, планет и других небесных объектов среди Знаков Зодиака.

Поэтому, прежде чем приступить к лечению, врач-астролог составлял подробный гороскоп больного, в котором учитывались расположения звезд и планет в момент его рождения и во время важных жизненных событий, а также линии руки, цвет кожи, глаз, волос, пятна и родинки на лице и теле, особенности строения черепа. Этот гороскоп использовался, в частности, для определения наиболее благоприятного времени кровопусканий, приготовления лекарств и их приема, а также интимных отношений¹³.

В Средневековье и в раннее Новое время астрологическая медицина пользовалась немалой популярностью, поэтому врачи проявляли повышенный интерес к астрономии, изучение которой, напомним, входило в состав *квадривия*. В астрологию верили (с той или иной долей скепсиса), не только врачи, но и такие гиганты науки, как Николай Коперник, Тихо Браге, Иоганн Кеплер.

Впрочем, были у астрологии и недоброжелатели. Вот что писал в 1549 году в трактате «Предостережении против юдициарной астрологии»¹¹ религиозный реформатор Жан Кальвин (1509–1564):

«Все, кто берутся узнать жизненный путь человека, яв-

¹³ Связь астрологии с медициной сохранилась в названии заболевания, известного как «инфлуэнца»: итальянские врачи верили, что оно вызвано влиянием звезд (*influenza*).

ляются по своей природе обманщиками... В битвах часто участвует до шестидесяти тысяч солдат..., и я спрашиваю: следует ли приписывать всем тем, кого смерть соединяет в бою, один и тот же гороскоп? В такой толпе Козерог, Овен и Телец так столкнутся рогами, что все смешается, Водолей выплеснет такое количество воды, что случится потоп, Дева лишится невинности. Рак попятится назад, Лев подожмет хвост, Близнецы сольются в одного, Стрелец предаст, Весы испортятся, Рыбы спрячутся под воду».

Но вернемся в Оксфорд. От студента-медика (а, тем более, будущего профессионала) требовалось знание назубок советов и рецептов античных авторов, поэтому врачи часто шумно публично спорили по поводу правильности цитат вместо того, чтобы принести практическую пользу больному.

Характерный пример приводит в одной из своих книг Ноэль дю Файль (ок. 1520–1591)¹². Он рассказывает о консилиуме, в котором участвовало шесть ведущих докторов медицины из Сорбонны и великий итальянский врач, математик и философ Джироламо Кардано (1501–1576). Один из французских медиков путано и многословно, ссылаясь на авторитеты великих греков, арабов и евреев, излагал историю болезни и говорил так долго, что в середине рассказа забыл, с чего начал. Его сменил другой врач, которому коллеги помогали репликами. В течение всего этого словоизлияния Кардано молчал и оставался

совершенно спокойным, лишь изредка кивая головой в знак согласия. Французы с нетерпением ждали «приговора» заезжего светила, а тот после некоторой паузы подвел итог высокоумного доклада своих коллег рекомендацией, сказанной почему-то не латынью, а итальянским: *Ha besongna d'onno clystere* (Поставьте ему клистир), и, вставая из-за стола, пробормотал: «Все эти педанты¹⁴ ошибаются; я не доктор разговоров, я доктор действий» (рис. 3).

Рис. 3. Консилиум

¹⁴ В данном контексте – преподаватели.

На медицинском факультете Борд должен был пройти долгий путь, прежде чем канцлер университета под дружные одобрительные возгласы школяров, собравшихся в главном зале, вручил бы ему долгожданный диплом доктора медицины. Но до этого торжественного события студенту надлежало получить степень бакалавра медицины (*baccalaureus medicus, B.M.*), для чего он был обязан четыре года проучиться в университете, присутствовать в анатомическое театре¹³ (рис. 4) во время проведения не менее чем двух вскрытий, активно участвовать в диспутах и победить в двух из них, и, наконец, сдать надлежащие экзамены. В следующие три года Борду предстояло «сражаться» за степень магистра медицины, а еще через четыре-пять лет, выполнив условия, предусмотренные университетским Уставом, стать обладателем степени доктора медицины (*doctor medicus, M.D.*). Для этого необходимо было присутствовать при трех новых вскрытиях, победить в нескольких диспутах, прочитать две публичные лекции о двух классических медицинских текстах и сдать дополнительные экзамены. А чтобы «заработать» лицензию на врачебную практику, соискателю требовалось доказать, что он самостоятельно вылечил не менее трех пациентов и выполнил два анатомирования.

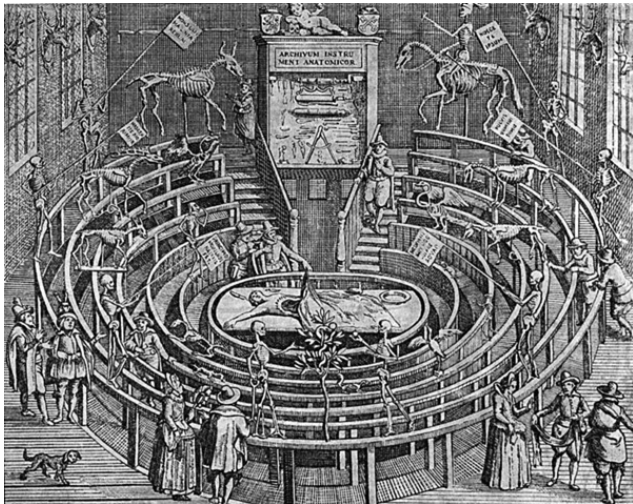

Рис. 4. *Анатомический театр*

Итак, «долгий путь к причалу» (включая срок обучения на подготовительном факультете) занимал у английского школяра не менее тринадцати лет¹⁴. Поэтому многие студенты после получения степени *M. A.* в Оксфорде или Кембридже предпочитали завершать образование в одном из континентальных университетов: там они за меньший срок обучения и за меньшую плату приобретали, как правило, больший объем знаний. Английские студенты-медики странствовали по Европе от одной прославленной Высшей школы к другой и получали в каждой из них те знания, которыми был славен конкретный университет. «Бегство» студентов приняло

такие масштабы, что руководители английских университетов в 1421 году обратились с петицией в парламент, предлагая законодательно закрепить право на врачебную практику в Англии только за выпускниками Оксфорда и Кембриджа. Парламентарии поступили мудро: они согласились с этим предложением, но приравняли к упомянутым выпускникам и обладателей дипломов зарубежных Высших Школ, однако только при условии, что новоиспеченные доктора были инкорпорированы в один из английских университетов (а иногда и в два сразу) и таким образом подтвердили полученную за рубежом степень доктора медицины.

Крутой поворот

Такой же путь прошел и Борд, но сделал это в несколько приемов, перемежая учебу совершенно иными занятиями. Так, проучившись некоторое время на медицинском факультете Оксфорда (неизвестно, как долго), он решил уйти от грехов мирской жизни и стать насельником лондонского монастыря, принадлежавшего Ордену картезианцев. И это несмотря на то, что был моложе возраста приема в обитель, установленного Уставом Ордена (в монастырь не принимались люди моложе двадцати одного года и старше сорока пяти лет)!

Причины такого резкого поворота в жизни оксфордского школяра остаются загадкой: может быть, желание удалиться

в монастырь возникло благодаря влиянию брата-священника, а некий высокий духовный чин, пользовавшийся авторитетом в церковных кругах и дружественно относившийся к семье Борда, способствовал его приему в монастырь.

Можно также предположить, что свое неожиданное решение Эндрю принял после бесед со студентами или преподавателями так называемого «монастырского колледжа», находившегося неподалеку от его *alma mater* и принадлежавшего Ордену картезианцев. Эти колледжи начали создаваться в Англии с XIII века для молодых монахов и тех мирян, которые лишь собирались пополнить их ряды, а посему стремились постичь основы теологии. По своей внутренней организации и по строжайшей дисциплине эти колледжи были подобны монастырям; их учреждали религиозные Ордена, отдельные иерархи высокого ранга или знатные дворяне.

Так, в 1283 году Орден бенедиктинцев основал Глостер-колледж; этому примеру последовал приор бенедиктинского монастыря в городе Дарем Ричард де Хотон (ум. 1308) учредивший в 1291 году Дарем-колледж; затем «тщением» Эдмунда, Второго графа Корнуольского (1249–1300) был открыт колледж цистерианского Ордена; лондонский епископ Ричард Клиффорд (ум. 1421) открыл колледж картезианцев и так далее. Известно, что между 1500 и 1540 годами сорок два подобных учебных заведений Оксфорда окончили триста двадцать четыре студента-монаха.

Впрочем, следует заметить, что, начиная с XIV века, мо-

настыри сами нередко стремились привлекать совсем молодых людей. Подтверждение этому можно найти в книге «Любокнижие» (1345), принадлежавшей перу английского государственного и церковного деятеля, одного из первых английских библиофилов Ричарда де Бери (1287–1345). В ней, в частности, осуждая руководителя одного из нищенствующих монашеских Орденов¹⁵, автор писал:

«Ты, как повсеместно говорят, вовлекаешь *мальчиков* (курсив мой. – Ю.П.) в свою религию при помощи яблок, насаженных на крючки¹⁶, и, будучи их наставником, не внушаешь им доктрины вероучения посредством принуждения и страха, как это подобает делать сообразно их возрасту, а вместо этого позволяешь им бродяжничать, выпрашивая милостыню, и тратить время, которое они могли бы использовать на учебу...; тем самым ты оскорбляешь их родителей, подвергаешь опасности самих мальчиков и наносишь ущерб Ордену».

Еще один пример, заимствованный мною из Устава Оксфордского университета от 1358 года:

«И благородные, и простые люди опасаются посылать сыновей в Оксфорд, чтобы они не поддались бы там внушению нищенствующих монахов и не присоединились к их Ордену» (напомню, что возраст первокурсника в Средние века и в раннее Новое Время равнялся двенадцати-четырнадцати годам).

Орден картезианцев

Вкратце, история этого Ордена и правила жизни в его монастырях выглядят следующим образом.

В 1084 году немецкий каноник (впоследствии святой) Бруно Кёльнский (ок. 1039–1101), негодуя на порочную жизнь католического епископата, вместе с шестью клириками удалился в гористую местность близ Гренобля и здесь, в ущелье Шартрез (фр. *Chartreuse*, лат. *Cartusia*), основал монастырь, который его насельники называли Великой Шартрезой и который стал колыбелью Ордена картезианцев (рис. 5).

Рис. 5. Великая Шартреза

Бруно так определил главную цель своих единомышленников: «В тиши уединения, удаленные от всех, но в связи со всеми пребывающие, искать Бога, придя через эти искания к совершенной любви». Высшая власть в Картезианском ордене принадлежала Генеральному Капитулу, который созывался каждые два года. Между этими собраниями Орден возглавлял приор¹⁵, носивший титул «Преподобный Отец» (приоры же монастырей избирались Капитулами насельников самих обителей).

Первый английский картезианский монастырь или Чартерхаус (англизированное *Chartreuse*) возник в 1181 году по распоряжению короля Генриха II Плантагенета (1133–1189) в деревушке Уитэм, графство Сомерсетшир. В конце XIV века такая же обитель была основана в Лондоне, в районе Смитфильд, и полностью именовалась как «Монастырь во славу Матери Божьей» (рис. 6).

¹⁵ Приор (от лат. *prior* – первый, старший) – титул настоятелей монастырей, принадлежавших некоторым Орденам (в частности, картезианскому).

Рис. 6. *Чартерхаус*

Устав Ордена своей строгостью, вероятно, не уступал (а в чем-то и превосходил) Уставы других религиозных сообществ. От монахов требовались полный уход от мира, созерцательная жизнь в почти полном безмолвии и уединении в келье, суровый аскетизм, постоянное молитвенное служение. В обычные дни картезианцы собирались в Храме монастыря трижды в день на общие молитвы, совокупно длившиеся около трех часов; другие же молитвы читались в келье или за трудами (уход за садом, хозяйственные работы, составление или копирование духовных сочинений и так далее). Члены Ордена были обязаны носить под рубашкой власяницу и отходить ко сну в восемь часов вечера, причем каждый из них должен был повесить на спинку кровати похорон-

ный саван; ночью дважды поднимались для молитв, а начинали новый день в половине седьмого утра. Одежанием картезианцев было длинное белое платье с белым капюшоном, а вне монастыря – чёрное.

Послушники проводили большую часть суток в полном одиночестве, в своей келье, и даже еду получали через маленькое окошко в ее стене, не общаясь с послушником, которой дважды в день разносил пищу. В состав еды не должно было входить мясо, разрешены были только рыбные блюда; по пятницам обитатели кельей довольствовались хлебом, водой и солью (некоторые, наиболее иступленные насельники, придерживались такой «диеты» трижды в неделю); пить вино было совершенно запрещено, а во время Великого поста (с четырнадцатого сентября до Пасхи) из рациона исключались все молочные продукты. Если послушнику что-то требовалось, он оставлял записку на полочке под окошком и через некоторое время получал (или не получал) требуемое. Монахи никогда не покидали монастырь без разрешения приора, но один раз в неделю совершали прогулку за пределами обители, гуляя парами (во время прогулки, которая не должна была длиться более трех часов, разрешалось беседовать). Родные могли приезжать к ним один раз в год на два дня, или два раза в год по одному дню. Обязательны были celibat и запрет симонии¹⁶. Впрочем, не чужды мо-

¹⁶ Симония (от греч. *aíjucovia*, лат. *simonia*) – продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, celibat – обет безбрачия.

нахи были и некоторым сторонам мирской жизни, в частности, начиная с XVIII века, они занимались приготовлением и продажей знаменитого ликёра, называвшегося «Растительный эликсир Гранд-Шартрез», и в наши дни известного всему миру под маркой «Шартрез».

Первые несколько недель новичок монастыря числился новициантом (от лат. *noviciatus* – «новый, неопытный») и проходил своеобразный испытательный срок, в течение которого должен был соблюдать Устав Ордена под строгим присмотром специального наставника. Затем, утвердившись в желании принять монашеский сан, тайным голосованием Капитула монастыря новициант переводился в число postulантов (послушников). Но полноправным монахом он становится через примерно год после пострижения¹⁷.

В монастыре и в миру

бегство от аскезы

Борд жил в монастыре долгие годы, то покидая его, то вновь возвращаясь. Трудно представить, как он, по словам Энтони Вуда¹⁸, «человек с неупорядоченным умом и изменчивым характером», мог находиться в обители со столь суровыми правилами поведения.

Вся последующая жизнь Борда отнюдь не свидетельствовала о приверженности аскетизму и вегетарианству, и он, наверняка, был склонен к нарушениям монастырской дисциплины. Правда, достоверно известно только об одном случае (о котором Борд сам рассказал): в 1517 году руководители Чартерхауса обвинили его в том, что он был «хорошо знаком с женщиной» (*shold be conversant with women*): в XVI веке, как утверждает историк, слово «*conversant*» означало нечто большее, чем, скажем, просто дружеская или наставительная беседа клирика с мирянкой.

С течением времени Борд чувствовал себя все более несчастным и все чаще задумывался о своем будущем. Его биографы проявляют редкое единодушие, объясняя стремление Борда покинуть Чартерхаус.

Так, А. У. Фокс в «Книге бакалавров» (1899)¹⁷ пишет:

«Его (Борда. – Ю.П.) беспокойный нрав и прирожденная живость характера находились в глубоком противоречии с аскетизмом, которому он должен был следовать как брат Ордена картезианцев, и это приводило к нарушению гармонии в его отношениях с окружающими».

Фоксу вторят другие биографы:

«Жесткость правил поведения и постоянные наказания за каждое, даже невинное, проявление жизнерадостности должны были вскоре засушить веселого от природы человека, чей необычайный юмор мог служить причиной нарушения самых мелких ограничений суровой дисциплины».

«Постоянные часы молитв, неизменная череда постов, упорядоченная смена ежедневных служб, требование точного выполнения целого перечня обязанностей и, что важнее всего, строгое ограничение разговорного общения; все это должно было вызвать протест у человека беспокойного характера, каким был Борд. Поэтому он и покинул монастырь к нескрываемому сожалению тех братьев, у которых еще не отмерли такие человеческие качества как умение не обижаться на безвредный юмор и невинная способность радоваться».

Первую попытку освободиться от «монастырского бремени» Борд предпринял в 1521 году, когда согласился с предложением занять в Чичестере (главном городе графства Западный Сассекс) место престарелого Роберта Шер-

¹⁷ Книга посвящена жизнеописаниям холостых ученых XVI–XVII веков.

бона, ок.1453–1536 – епископа-суффрагана, то есть, епископа, не имеющего своей епархии и оказывающего различную помощь архиепископу диоцеза (епископского церковного округа, от лат. *diocesis* – управление). Для нашего героя это было, безусловно, и освобождение, и «путь наверх», поскольку он должен был стать одним из всего двадцати четырех английских суффраганов XVI века. К сожалению, неизвестно, от кого исходило столь лестное предложение и какие деяния Борда, а, скорее всего, какие связи его семьи в церковных кругах способствовали подобному карьерному взлету монаха, едва перешагнувшего тридцатилетний возраст. Впрочем, уже имея разрешение оставить монашество (для этого потребовалась специальная папская булла, дарующая просителю диспенсацию¹⁸), он так и не вступил в предложенную ему карьерную должность, по какой-то причине отказавшись от нее.

О следующей своей попытке Борд сообщает в конце 1528 или в начале 1529 года приору Хинтоновского Приората¹⁹ дру Эдмунду Хорду:

«Достопочтенный Отец, со всем должным уважением и смирением приветствую Вас и с благодарностью вверяю себя Вашей милости... Я умоляю Вас и насельников Вашего

¹⁸ Диспенсация (лат. *Dispensatio* – в частности, изменение силы закона, разрешаемое для каждого отдельного случая высшею духовною властью.

¹⁹ Приорат – небольшой католический монастырь. Хинтоновский Приорат – картезианский монастырь, основанный в 1222–1232 годах в деревушке Хинтон, графство Сомерсетшир.

монастыря молиться за меня и желаю всем сердцем верить этим молитвам, особенно потому, что не сомневаюсь в добром отношении ко мне Приора нашего лондонского Дома. Хотел бы встретиться с Вами как можно раньше, чтобы убедить Вас в том, что не способен соблюдать суровые правила Вашей религии²⁰ и поэтому буду просить предоставить мне возможность делать то, что мне больше подходит, и исключить любое вмешательство в мои действия. Я намереваюсь рассказать Вам, что именно я собираюсь предпринять. Мое сердце навечно с Вашей религией, я люблю ее и всех, кто ее исповедует. Иисус знает обо мне (*Jesus knows me*), и да хранит Он Вас.

Навсегда Ваш

Э. Борд»

Это письмо вызывает несколько вопросов:

Борд сообщал адресату о намерении покинуть монастырь (хотя и не писал об этом прямо), но на какой срок?

На определенное время или «раз, навсегда, насовсем»?

Почему для этого он испрашивал разрешение у приора, а не просил его ходатайствовать перед папским престолом о получении диспенсации (как было, когда Борду предложили место суффрагана)?

²⁰ *I am not able to abide the rigors of your religion.* Борд, конечно, оговорился: он имел в виду не католическую религию как таковую, а строгие правила монашеской жизни в картезианских монастырях.

Иначе говоря: имел ли право приор своей властью освободить насельника монастыря от монашеских обетов и отпустить его в мирскую жизнь?

Если имел, то почему Борд обращался к главе Хинтона, а не к приору лондонского Чартерхауса Уильяму Тинбигу или к сменившему его Джону Бэтменсону (ум. 1531)?

Если же не имел, то в чем состояла цель письма?

Ответы на эти вопросы я не нашел ни у биографов нашего героя, ни в доступных мне исторических материалах, поэтому попробую предложить свои объяснения.

Борд, придя к заключению, что «не может, да никогда и не смог бы, жить в одиночестве, в полном заточении»²¹, решил связать свою жизнь с практической медициной, что, в принципе, не помешало бы ему вернуться в монастырь в качестве врача-монаха или врача-священника, и тем самым вести более свободный образ жизни (в XVI веке случаи такого «совмещения» были нередки).

Чтобы стать *профессиональным* врачом, Борду необходимо было завершить медицинское образование, а, следовательно, иметь возможность отсутствовать в монастыре, по крайней мере, до получения диплом *M. D.* По-видимому, для этого не требовалась папская диспенсация, и приор мог самостоятельно принять решение (пишу «по-видимому», так как не имел возможности познакомиться с Уставом картезианского Ордена).

²¹ Из письма Борда Кромвелю, датированного августом 1535 года.

Прежде, чем ответить на последние два вопроса, полезно познакомиться с приором Чартерхауса Эдмундом Хордом (ум. 1556), сыгравшим важную роль в жизни Борда.

Доктор юриспруденции с оксфордским дипломом, член Колледжа Душ Всех Праведников, он был многолетним советником канцлера университета. Впоследствии, оставив административную службу, Хорд посвятил себя служению религии в качестве викария и пастора в различных церковных приходах. Весной 1520 года он принял монашеский обет и стал насельником лондонского Чартерхауса. Как отмечает его биограф, «он пользовался большим авторитетом среди монахов лондонской обители, и многие из них хотели получить его совет». В 1529 году Хорд единогласно был избран приором «Хинтона» и сохранил это место вплоть до закрытия монастыря через десять лет.

Можно предположить, что Хорд был издавна знаком с семьей Бордов или, по крайней мере, был близок Ричарду Борду и покровительствовал его младшему брату, а благодаря своему авторитету, способствовал приему юноши в монастырь. Добавлю, что Эндрю мог быть представлен ему в начале своего обучения в университете, поскольку, как сообщает Э. Вуд в книге «Обзор старинных достопримечательностей города Оксфорда», в 1502 году Э. Хорд был Принципалом (то есть руководителем) монастырского колледжа картузианцев. Возможно также, что именно после бесед с ним Борд решил выбрать в качестве обители Чартерхаус, а не мо-

настырь какого-либо другого монашеского Ордена.

В свою очередь Эндрю отвечал Хорду неизменным уважением и благодарностью. Примером могут служить его слова в письме Государственному секретарю Томасу Кромвелю от 20 июня 1535 года (см. далее), в котором он умолял адресата покровительствовать ему и «доктору Хорду, приору Хинтона».

Что же касается цели письма (1528 или 1529 годов), то складывается впечатление, что Борд всего лишь неявной форме хотел умолить адресата замолвить за него словечко перед приором лондонского Чартерхауса (несмотря на то, что последний и так к нему хорошо относился) и испросить согласие на аудиенцию у Хорда.

С помощью своего покровителя или без оной, Борд получил от Джона Бэтменсона разрешение (лицензию), позволившее отойти от служения религии. «После этого, – пишет Борд, – «я отправился за море, чтобы обогатиться новыми медицинскими знаниями» (это произошло, вероятно, в 1529 году). Неизвестно, в каком университете он намеревался продолжить образование, но, видимо, с учебой что-то не заладилось, и в следующем году он возвращается в Англию.

О последующих событиях Борд рассказал в Предисловии ко второму изданию своей «Первой Книги Введения в Знание...», 1547» (далее «Введение в Знание»). Обращаясь к Томасу Говарду, герцогу Норфолку¹⁹, которому была посвящена книга, он писал:

«После моего путешествия по разным регионам и странам, имевшего целью приобретение знаний и практического опыта в области медицины, я вернулся в Англию, где был призван сэром Робертом Друри²⁰, рыцарем, и оставался с ним, оказывая необходимую помощь во многих срочных случаях».

Возможно, в доме сэра Роберта впервые встретился с другом хозяина дома и своим будущим покровителем и работодателем Томасом Кромвелем.

Надо полагать, лечение Друри прошло успешно (он умер только через пять лет), что дало возможность Борду продолжить контакты со знатными пациентами. Вот что писал он Норфолку:

«Ваша милость... послали ко мне сэра Джона Гарнингэма, чтобы пригласить к вам для консультации по поводу ваших недугов. Получив это приглашение, я, не теряя времени, поспешил к вашей милости, чтобы выполнить свой [врачебный] долг... После прибытия к вам я прослушал пульсы вашего сердца, пульсы вашего мозга и пульсы вашей печени²², а также осмотрел вашу мочу и экскременты, но решил не предпринимать каких-либо действий без совета с Мастером доктором Бьютсом²¹, который не только знал вашу комплекцию, ваши недомогания и диету, но и слабости и силу вашего тела, а также другие качества и средства, которые, го-

²² *The pulses of your herte, the pulses of your brayne, and tho pulses of your lyuer.*

вора кратко, необходимы, чтобы поправить ваше здоровье».

Рис. 7. Генрих VIII

Но высокоученый и высокопоставленный доктор уклонился от встречи, и Борд решил действовать на свой страх и риск. «Благодарением Богу», лечение прошло успешно, и он по рекомендации герцога был приглашен для консультации самому «могущественному королю Генриху» (рис. 7).

У короля было множество болезней, но в то время его особо мучила подагра – семейная болезнь Тюдоров²², и Борд должен был своими советами облегчить его страдания. Говоря о посещении короля, наш герой был лаконичен, ибо знал, что неугодные «Большому Генри» слова относительно его болезней – прямой путь в Тауэр. Он нашел, что у Генриха «массивное тело, с широкими артериями, красными пятнами на лице и бледной кожей; волосы у него на голове обильны и рыжеватого цвета, пульс повышенный и хорошего наполнения, пищеварение отличное, он вспыльчив и обильно потеет». Насколько Борду удалось помочь королю – неизвестно, но, во всяком случае, эта консультация не имела для врача последствий, ни плохих, ни хороших.

В конце 1531 года Борд вновь решает отправиться в Европу, «желая увидеть и понять суть многих вещей и в различных странах получить истинные познания в области медицины». И это было не только и не столько «охота к перемене мест», постоянно одолевавшая Борда, и не его никогда не слабеющая любознательность, но и жизненная необходи-

мость: дело в том, что он лечил своих высокопоставленных пациентов *незаконно*, не имея лицензии практикующего врача. А чтобы получить ее, необходим был университетский диплом.

Закон и порядок

В начале XVI столетия английская медицина плелась в хвосте европейского прогресса, отставая и по уровню университетской подготовки будущих врачей, и по состоянию медицинского обслуживания населения, и по числу изданных медицинских текстов. Но, кроме того, в стране отсутствовала организация, которая бы объединила практикующих медиков, и взяла бы на себя обязанности регулирования и контроля за врачебной деятельностью. Врачеванием часто занимались многочисленные самоучки- шарлатаны: знахари, предсказатели, обладатели чудодейственных амулетов и тому подобные авантюристы (своей деятельностью они не только наносили вред больным, но и лишали профессионалов законных гонораров).

На континенте регулирование врачебной практики было введено еще в 1221 году императором Священной Римской империи Фридрихом II Штауфеном (1194–1250)²³: он предоставил Медицинской школе в Салерно (см. далее) исключительное право выдавать лицензии на право врачевания в его владениях. Вскоре после этого обязанности регуля-

тора взяли на себя Медицинские школы университетов Парижа, Падуи и Болоньи.

В Англии первые попытки ввести аналогичные меры относятся к 1421 году, когда врачи с университетским образованием обратились к парламенту с просьбой принять закон, запрещающий заниматься врачебной деятельностью людям, которые не имели надлежащей квалификации. Авторы петиции обращали внимание парламентариев на то, что невежественные лекари «наносят большой вред и убивают множество людей». Несмотря на то, что законодатели благосклонное отнеслись к этой инициативе, ничего, по существу не изменилось до 1511 года, когда парламент утвердил «Закон о врачах и хирургах» – первый из семи законодательных актов, принятых при правлении Генриха VIII и в той или иной мере связанных с медициной.

В соответствии с упомянутым законом человек, который не был выпускником Оксфорда или Кембриджа, имел право заниматься врачебной практикой только после получения разрешения (лицензии) от епископа Лондона; предварительно соискатель должен был заручиться одобрением не менее четырех, особо уважаемых профессионалов (напомню, что университеты также имели право выдавать лицензии). Вне Лондона право лицензирования передавалось епископу соответствующего диоцеза, занятия же врачебной практикой без наличия лицензии должны были наказываться крупным штрафом.

Здесь необходимо сделать отступление и пояснить, почему в названии упомянутого закона присутствуют и врачи, и хирурги, иначе говоря, почему медики как бы «разделены» на две, независимые друг от друга группы. Такое положение было общепринятым в Средневековье и раннем Новом времени, когда «врачами» (*physicians*)²³, называли обладателей университетских дипломов, занимавшихся лечением внутренних болезней, а «хирургами» – тех, кто высшего образования не получили (а иногда были просто безграмотными) и имели дело с вывихами, повреждениями костей, мышц и других органов, занимались ампутациями, камнесечением, удалением зубов, кровопусканием (универсальным средством излечения в те времена), и тому подобными операциями²⁴. Ими, например, становились юноши, которые после грамматической школы в течение семи лет учились и практиковались у опытного хирурга, после чего начинали самостоятельную деятельность. Хирургам не разрешалось выписывать рецепты, они считались ремесленниками, в частности, потому, что использовали при работе инструменты, а их социальное положение врачей было значительно ниже статуса врачей. О презрительном отношении к

²³ Слово *physician*, означающее «практикующего врача», происходит от древнегреческого слова (πῖσοϰ (*physis*), а его производная (*physikos* — переводится как «природу», «природный».

²⁴ К этому «низшему» сословию врачей относились также повитухи, травники, аптекари и народные целители.

ним «благородных» англичан пишет Генри Пичем²⁴ в трактате «Совершенный джентльмен» (1622), в котором он отказывает хирургам в праве называться джентльменами и «объединяет» их в одну группу с «акушерками и шарлатанами». Конечно, встречались и «универсальными» медики (к их числу относился, по видимому, и Борд), но это было не правилом, а довольно редким исключением.

Закон 1511-го года был, несомненно, «шагом в правильном направлении», однако, он имел крупный недостаток, поскольку из текста не следовало, какая организация должна осуществлять контроль за его исполнением. Через семь лет, в 1518 года, семь известных лондонских медиков во главе с выдающимся врачом и гуманистом Томасом Линакром (ок. 1460–1524)²⁵ обратились к Генриху VIII, испрашивая грамоту, которая бы давала право учредить врачебную корпорацию – Королевскую коллегия врачей.

Время обращения Линакра «со товарищи» было выбрано удачно – в Лондоне свирепствовала эпидемия чумы, и число «докторов-шарлата-нов» многократно увеличилось. Будучи главным «королевским врачом», Линакр лично представил высокому патрону черновик Устава Коллегии и без особого труда убедил его в необходимости организации, которая бы лицензировала и контролировала врачебную деятельность в Лондоне и в семимильной зоне около города. Важно, что при этом окончательное решение должно было приниматься

представителями той же профессии, а не сведущими в медицине священнослужителями. То обстоятельство, что членами Коллегии могли стать только выпускники университетов, несомненно, поднимало престиж Оксфорда и Кембриджа. Более того: чтобы подчеркнуть важность новой организации в 1523 году ее Устав утвердили в парламенте «Законом, касающимся врачей». В нем, кроме прочего, содержалась предложение распространить прерогативу Коллегии на всю страну, но поскольку оно носило рекомендательный характер, то юридической силы не имело.

«Сверхзадача» Коллегии, президентом которой вплоть до своей кончины, был Линакр, состояла в том, чтобы «обуздать наглость тех нечестивых (*wicked*) людей, которые занимаются медициной по большей мере для того, чтобы удовлетворить свою жадность, а не по велению совести, и это является причиной возникновения многочисленных бед простого и доверчивого населения».

У Борда не было необходимости обращаться в Коллегию за лицензией на право врачебной деятельности. Как мы увидим в дальнейшем, он успешно окончил университет во французском городе Монпелье, по возвращению в Англию был инкорпорирован в Оксфорд (около 1542/1543 года) и, очевидно, получил лицензию от своей *alma mater* на законных основаниях. Но поскольку членство в Коллегии значительно увеличивало его авторитет врача, некоторые биографы утверждают, что он был в нее принят (правда, при этом

не приводят документального подтверждения).

Паломник поневоле

Чтобы продолжить обучение в Европе, Борду потребовалось продлить разрешение, выданное Бэтменсоном, поэтому он обратился к новому приору монастыря Джону Хоутону (ок. 1486—1535)²⁶ и, к большому своему удовольствию, в ноябре 1531 года его получил. Путь на континент был открыт, и в начале 1532 года Борд уезжает «за море», где в течение нескольких лет слушает лекции в «хорошо зарекомендовавших себя университетах и школах» во французских городах Орлеане, Пуатье, Тулузе, Монпелье и в саксонском Виттенберге, а в Риме «практикуется в хирургическом искусстве».

Правда, занятия в Орлеанском университете на некоторое время пришлось прервать: Борд добровольно вызвался сопровождать английских и шотландских паломников в длительном и опасном путешествии в город Сантьяго-де-Компостела, находящийся в провинции Галисия, на северо-западе Пиренейского полуострова. Цель паломничества заключалась в поклонении хранившимся в городском кафедральном соборе мощам св. Иакова – одного из двенадцати апостолов, который считался небесным покровителем Испании.

Иаков, его младший брат Иоанн Богослов, как и их отец Заведей, были рыбаками. По преданию

Иаков видел, как распяли Христа, но эта ужасная казнь не остановила его, и он продолжал нести Христову веру людям. По наущению врагов Божьих в 44 году Иакова схватили и по приказу царя Иудеи Ирода Агриппы I казнили в Иерусалиме «отсечением головы». Предание гласит, что останки мученика положили в лодку, которую пустили в Средиземное моря. Она приплыла в Испанию, где якобы апостол проповедовал ранее, и была выброшена на берег в устье реки Улья. В 813 году живший в этой местности монах-отшельник Пелайо, следуя за явившейся ему путеводной звездой, обнаружил ковчег с останками Иакова: они оставались нетленными, причем голова апостола чудесным образом приросла к туловищу.

По велению короля Астурии Альфонсо III в конце IX века на месте, где был обнаружен ковчег, построили небольшую церковь, а впоследствии – кафедральный собор, в котором и поныне покоятся останки апостола. Саму местность назвали Компостелой (лат. *Campus Stellae*), что можно перевести как «Место, обозначенное звездой», а возникшее здесь небольшое поселение получило название Сантьяго-де-Компостела.

Первые паломники к мощам св. Иакова совершили путешествие в девятом веке по так называемому «Пути Святого Иакова»²⁵. Легенда гласит, что этот путь является земным отражением Млечного Пути, по которому паломники ориентировались ночью. Увлеченный старинными преданиями своей страны

²⁵ *El Camino de Santiago* (исп.), *Peregrinatio Compostellana* (лат.).

великий поэт Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936) писал в «Наивной балладе Сантьяго»:

Нынче ночью прошел Сантьяго
По светлым дорожкам неба.
Это дети, смеясь, рассказали
Тоненьким струйкам речки.
Далеко ли небесный странник
Держит путь по бескрайним тропинкам?
Он едет заре навстречу
На коне, что белее снега²⁶.

«Путь Святого Иакова» начинался во Франции, затем шел через Пиренеи в северо-западную Испанию – от Памплоны (столица королевства Наварра на севере страны) до городка Санто-Доминго-де-ла-Кальсада, названного в честь св. Доминика де ла Кальсада (1019–1109). Крестьянский сын Доминго Гарсиа (так его звали в миру) в юности был пастухом, впоследствии принял монашество и посвятил свою долгую жизнь заботам о «Пути Святого Иакова», намереваясь облегчить паломникам путь в Компастелу. Он расчистил леса, возвел мост на реке Охья, построил дорогу (*Calzada*), больницу и постоялый двор для пилигримов. Когда же Доминго умер, то спустя много лет на месте хижины, где он жил, построили великолепный готический собор.

Далее путь вел до столицы провинции Галисия города Сантьяго-де-Компостела, в кафедральном соборе которого покоились мощи св. Иакова.

²⁶ Перевод И. Ю. Тыняновой.

Впервые этот путь описан в одной из книг «Кодекс Каликста» – богато иллюстрированной испанской рукописи середины XII века, в которой, в основном, содержится описание деяний св. Иакова и совершённых им посмертных чудес²⁷. Одна из пяти книг «Кодекса» содержит руководство для паломников, в котором приводится описание *Peregrinatio Compostellana*, сделанное французским монахом и школяром Эмериком Пико. Паломничество к святым мощам совершили известные в истории Европы лица: французский король Людовик VII (1137-80), св. Франциск Ассизский (1181/82-1226), английский король Эдуард I (1272–1307), фламандский художник Ян ван Эйк (1385/90-1441), король Шотландии Яков III (1460-88), папа Иоанн Павел II (1920–2005) и многие другие.

О своем путешествии Борд рассказал во «Введении в Знание» в главе, посвященной королевству Наварра:

«Когда я пребывал в университете Орлеана, время от времени зарабатывая врачеванием на хлеб в этом городе, я познакомился с девятью англичанами и шотландцами, которые намеревались совершить паломничество к [гробнице] Святого Иакова в Компостеле. Узнав об этом, я посоветовал им вернуться в Англию, сказавши: «уж лучше я пятикратно дойду пешком из Англии в Рим. . . , чем один раз – из Орлеана

²⁷ Первые исследователи рукописи ошибочно считали, что ее автором является папа Каликст II (лат. *Calixtus, Callistus PP. II*; ок. 1060–1124), отсюда название *Кодекса*.

до Компостелы», и добавил: «Если бы мне посчастливилось входить в [Тайный] совет английского короля, то я бы решительно пресёк попытки его подданных предпринимать такие путешествия без лицензии Совета²⁷. Я скорее предпочел бы, чтобы они скончались в Англии вследствие моих врачебных действий, чем убили себя в пути; я раздраженно пытался заставить их поверить мне и иными речами. Но они, не приняв во внимание мои слова и не вняв моим убеждениям, заявили, что последуют далее по своему пути и скорее умрут, чем вернуться домой. Я выразил сожаление, что они не хотят отказать от своего намерения, привел их к себе в дом, после чего, забросив дела в университете Орлеана, отправился вместе с ними в путешествие. Через Францию мы дошли до Бордо и далее – до Байонны. Затем мы попали в скудные области Бискайи и Кастильи, где мы даже за деньги не смогли достать мяса. Окончательно изголодавшиеся, мы добрались до Компостелы, где и купили много мяса и вина»».

Замечу, что Борд нигде не писал о себе как о паломнике, и в своем рассказе как бы отстранялся от своих спутников и даже подвергал сомнению наличие священных реликвий: «Я побывал в различных странах мира, чтобы узнать истину о многих вещах, но, уверяю вас, что никто нигде ничего не слышал об останках св. Иакова». Не религиозное рвение, а лишь христианское милосердие и желание облегчить трудности путешествия своим компатриотам явилось причиной «самоубийственного» поступка Борда. Хотя он в этот время

и оставался верен своей религии, но был далек от фанатичного следования установлениям католицизма.

Чудеса, да и только!

Чем запомнилось нашему герою утомительное путешествие (кроме, разумеется, мяса и вина)?

Подтверждение своим сомнениям он нашел в словах «старого доктора богословия», которому он оказывал в Компостеле врачебную помощь и который отпустил ему грехи. Священник, «взор которого был затуманен» (*blear yed*), принял исповедь Борда и в последующей беседе заявил, что в соборе нет останков апостола, а только наличествует цепь, на которой св. Иакова держали в тюрьме, и серп, которым ему отрубили голову:

«Я изумляюсь тому, как... наше духовенство обманывает и насмехается над народом, заставляя невежественных людей поклоняться предметам, которые, на самом деле отсутствуют в соборе» – пересказывает Борд рассказ священнослужителя. «Ибо нет у нас... костей из священных останков св. Иакова, так как Карл Великий перенес [мощи апостола] в Тулузу, равно как и [мощи] св. Варфоломея, св. Филиппа, св. Симона, св. Иуды, св. Бернарда, св. Георгия и многих других святых; он намеревался собрать тела или кости всех Апостолов в одном месте, а именно – в соборе св. Северина в Тулузе, городе в Лангедоке».

«После возвращения во Францию, – пишет Борд, – я отправился в город Тулузу и его университет, поскольку рассчитывал узнать правду, а после того, как ознакомился со старыми письменами и печатями, убедился в истинности того, что мне довелось услышать [от старого священника] в Компостеле».

Второй рассказ Борда во «Введении в Знание», связанный с путешествием к мощам св. Иакова, посвящен одной из самых популярных в Средневековье и в раннем Новом Времени «Легенде о петухе и курице». Вот что писал наш автор:

«В городе Святого Доминго (*saynt Domyngo*)²⁸ находится церковь, в которой содержатся белые петух и курица. У каждого пилигрима, который идет к останкам св. Иакова в Компостеле, к шапке прикреплено белое перышко, что связано с этими птицами.

В Сан-Доминго был повешен молодой человек, который намеревался добраться до [мощей] святого в Компостеле. Он был казнен несправедливо: служанка постоялого двора возжелала, чтобы он удовлетворил ее похоть²⁹, но молодой человек отказался. Тогда она, затаив злобу, в отместку подложила на дно его путевого мешка серебряный кубок.

Юноша, его родители и другие пилигримы продолжили свой путь, а служанка поспешила сообщить городским полицейским о пропаже. По ее наущению служащие полиции

²⁸ Санто-Доминго-де-ла-Кальсада.

²⁹ *had hym to medyll with her carnally.*

отправились за пилигримами, вернули их в город, после чего, учинив обыск, обнаружили в мешке молодого человека пропавший кубок. Юноша был схвачен, осужден за кражу и публично повешен²⁸, но веревку не перерезали, и он остался висеть в петле.

Убитые горем родители юноши завершили паломничество, а затем вернулись в Санто-Доминго, чтобы у виселицы своего сына помолиться о спасении его души. Но когда они пришли к месту казни, то увидели, что их сын жив. Он сказал им: «Я не умер. Господь и его слуга, Святой Доминго, сохранили мне жизнь. Поэтому прошу Вас обратиться к городскому судье, убедить его прийти сюда и распорядиться, чтобы меня сняли с виселицы».

Родители отправились к судье и пришли к нему в то время, когда он готовился отужинать: перед ним стояла тарелка с зажаренными петухом и курицей. Они рассказали судье об увиденном ими чуде, но он сказал, что их сказочка (*tale*) так же правдива, как то, что лежащие перед ним в тарелке птицы взлетят, а петух еще и прокукарекает²⁹. Но как только судья произнес свои слова, именно это и произошло. После чего судья в сопровождении своих людей отправился к виселице, чтобы вынуть из петли неповинного юношу.

И в память об этом изумительном событии священник и другие уважаемые люди, [жившие в городе Святого Доминго], сказали мне, что с тех пор в церкви висит клетка с белыми петухом и курицей... Я действительно видел этих птиц,

и об этой легенде (*fable*) мне рассказали не три или четыре человека, а множество людей»³⁰.

Замечу, что свою веру в предание о «петухе и курице» Борд строит на рассказах большого числа устных свидетельств: для него, как и для большинства людей с мифологическим мышлением такого рода доказательство было достаточно.

Религиозные потрясения

Паломничество для компатриотов Борда закончилось так, как он и предсказывал:

«На обратном пути из Испании, несмотря на все мое искусство врача, они скончались, отведав фрукты и запивая их водой, от чего я всегда воздерживался... потому что хотя вода [сама по себе] может и не быть причиной болезней, трудности столь длительного пешего путешествия не соответствуют возможностям англичан» (замечу, что Борд не только в этом путешествии, но и иное время, старался, как можно меньше пить воду, отдавая предпочтение элю и вину).

Борд же «по прибытию в Аквитанию, на радостях поцеловал французскую землю, воздав благодарности Богу за то, что избежал огромных опасностей, причиной которых были неслыханное воровство..., равно как голод и холод».

Весной 1534 года Борд вернулся в Англию и вновь поселился в Чартерхаусе. Здесь, как утверждает профессор Шеф-

филдского университета Кэти Шренк, он был рукоположен в священство, и поэтому в большинстве своих письмах Томасу Кромвелю (см. далее) подписывался как «Эндрю Борд, священник».

Между тем, в Англии происходили важнейшие события, инициированные Генрихом VIII и имевшие решающее значение для судьбы страны.

И. Н. Осинский пишет:

«Весь ход исторического развития Англии толкал страну на разрыв с папством. Новое дворянство и буржуазия были кровно заинтересованы в создании более дешевой национальной церкви. Особенно крупные выгоды в случае победы Реформации в Англии сулила им предстоящая возможность захвата церковных имуществ. Под давлением этих веяний и сам Генрих VIII решился пойти на разрыв с папой, обещавший ему, будущему главе английской церкви, немалые выгоды не только политические, но и материальные: возможность конфисковать богатства церкви. Поводом для разрыва с папой явилось королевское дело о разводе. Король собирался развестись со своей первой женой Екатериной Арагонской³¹, для того чтобы иметь возможность жениться на красивой фрейлине королевы – Анне Болейн. Чтобы развод считался законным, его должен был утвердить сам папа. Однако папа не хотел, да и не мог этого сделать. Король обратился за помощью к университетам Оксфорда, Кембриджа, Парижа, Орлеана, Болоньи, Падуи и другим и за деньги до-

бился от них письменных подтверждений «законности» королевского развода».

Король настоял, а послушный парламент «проштамповал» семь законов, означавших полный разрыв Англии с Ватиканом и католицизмом.

Одним из важнейших был «Закон о престолонаследии» от 30 марта 1534 года, согласно которому принцесса Елизавета, дочь короля и Анны Болейн, признавалась истинной наследницей Короны, право наследования престола переходило к их потомству, а принцесса Мария, дочь короля от Екатерины Арагонской (1435–1536), объявлялась незаконнорожденной. Закон требовал, чтобы подданные короля под присягой признали законность такого престолонаследия.

По стране начались возмущенные выступления католиков, протестовавших против нарушения вековых традиций, и среди них были лондонские картезианцы. Когда 4 мая 1534 года комиссары короля прибыли в Чартерхаус, приор обители Джон Хоутон и ее прокуратор³⁰ Хамфри Миддлмор (ум. 1535), заявили им, что насельники монастыря «не вмешиваются в мирские дела» и отказались признавать «Закон о престолонаследии», а затем попросили прибывших посланцев покинуть с миром монастырь. Последствия не заставили себя ждать: приора и прокуратора «грубо повлекли в Лондонский Тауэр и со всей строгостью удерживали в течение

³⁰ Заместитель приора, лицо, занимавшееся общим администрированием в монастыре.

всего месяца». Все это время комиссары убеждали Хоутона и Миддлмора, что новый закон совместим с установлениям католической церкви.

И убедили! В конце мая приор и его заместитель, вернувшиеся в монастырь, а также тринадцать монахов, под присягой клятвенно признали законность упомянутого «Акта». Это событие произошло 29 мая под недреманным контролем комиссаров, в том числе, особо активного и жестокого проводника королевской политики, в прошлом архидьякона Корнуолла, а затем капеллана Генриха VIII, Томаса Меджила (ум. 1537). Через неделю, шестого июня, на верность закону присягнули еще девятнадцать насельников монастыря, и в их числе – Борд.

Изменил ли он тем самым своим религиозным убеждениям? Думается, что на этот ответ невозможно ответить однозначно: все его дальнейшее жизненное поведение и даже литературное творчество было амбивалентным: он пытался лавировать между католицизмом и протестантизмом, принимая – в зависимости от обстоятельств – то одну, то другую сторону. Например, две книги, написанные и опубликованные им в сороковые годы, он посвятил убежденному католику, своему бывшему пациенту герцогу Норфолку и фанатичной католичке принцессе Марии Тюдор; со скепсисом, характерным для протестантов, отнесся к католическим святыням в Компостеле, но был искренен при поклонении Гробу Господню в Иерусалиме, уничижительно отзывался о центре

католицизма – Риме (см. Главу II), и так далее.

Король не удовлетворился упомянутым законом, и под его давлением 3 ноября 1534 года был принят «Закон о верховенстве», провозгласивший Генриха VIII единственным верховным главой Церкви Англии. В соответствии с этим законом король получал право «инспектировать церкви, подавлять, восстанавливать, реформировать, приказывать, сдерживать и поправлять всякого рода ошибки, ереси и так далее», пользоваться «титулами, почестями, достоинствами, привилегиями, юрисдикцией и доходами, присущими и принадлежащими достоинству верховного главы Церкви». Чуть позднее началось закрытие монастырей и секуляризация церковных имуществ³².

Одновременно шло наступление на духовные установления католицизма, и безусловную силу набирала англиканская Церковь. Многие картезианцы оказались стойкими приверженцами римского епископа и отказались под присягой признать законы о верховенстве и измене. Это ни в коей мере не устраивало короля и его приближенных во главе с Томасом Кромвелем (см. о нем далее), стремившихся добиться публичного признания новых законов всеми насельниками монастыря, так как они пользовались большим уважением у рядовых англичан из-за простоты и суровости их нравов и образа жизни.

Понимая, что он встретит отчаянное сопротивление нововведениям со стороны католиков, король в том же 1534 го-

ду заставил парламент принять «Закон об измене». Согласно ему клирики, представители гражданской власти, судьи, преподаватели университетов и школьные учителя, отказавшиеся под присягой признать главенство короля, обвинялись в государственной измене, а, конкретно, в том, что они «злонамеренно устно или письменно измышляли, изобретали...или предпринимали действия против телесного здоровья короля, королевы или наследницы, или наносили ущерб их достоинству, титулу..., или подло и злонамеренно публиковали или произносили, письменно или устно, что король является еретиком, схизматиком, тираном, неверным или узурпатором».

Все «изменники» подлежали смертной казни или (в лучшем случае – длительному тюремному заключению). Во исполнение закона приор Хоутон и несколько руководителей лондонского Чартерхауса и других картезианских монастырей были заключены в Тауэр; после мучительных допросов и пыток, 29 апреля 1535 года они были осуждены, а через неделю препровождены к месту их казни в Тайнберне для «повешения, потрошения и четвертования»³¹.

Тайберн – деревня в графстве Мидлсекс, ныне часть Лондонского городского округа Вестминстер. С 1196 по 1783 годы являлась официальным местом проведения казней осуждённых города Лондона. После 1783 года местом публичных казней стала площадь

³¹ [to be] hanged, drawn and quartered.

перед тюрьмой Ньюгейт, а с 1868 года казни стали проводиться за ее стенами. Казни в Тайберне были как в Средневековье, так и в раннее Новое время излюбленным развлечением, привлекавшим внимание множества лондонцев своей средневековой жестокостью.

Так, в тексте приговора, вынесенного в первых числах июля 1535 года великому гуманисту Томасу Мору (1478–1535), отказавшемуся признавать Генриха VIII главой церкви Англии и одобрить его развод с Екатериной Арагонской, содержится описание его дикой казни: «Ввергнуть его (Мора. – *Ю.П.*) при содействии констебля... в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту» (**рис. 8**). Правда, король «милостиво» заменил эту казнь отсечением головы, и 6 июля 1535 года Мор был обезглавлен на Тауэр-Хилле (небольшой холм к северо-западу от Тауэра, на котором происходили публичные казни, как правило, знатных особ).

Но даже после гибели мучеников внутренне сопротивление монахов не ослабело, и это стало явным после того, как одному из них, некому Джону Дарби, в конце июня 1535 го-

да явился дух одного из убиенных картезианцев, чтобы поддержать тех, кто остались верными казненному приору. Действия королевских комиссаров последовали незамедлительно. Были назначены светские «управляющие» (*governors*), двое из которых круглосуточно присутствовали в монастыре, а остальные контролировали чтение послушников, «отсекали» их возможные связи с внешним миром, выбрасывали из келий духовную литературу, если в ней содержался даже намек на правоту «папистов», вмешивались в молитвенные отправления и так далее. Монахи, выказывавшие неудовольствие действиями «управляющих», немедленно препровождались в Тауэр, и далее суд решал их судьбу.

Меньше через месяц после казни Джона Хоутона «со товарищи» настала очередь следующих трех лондонских монахов. Затем, 11 мая 1537 года, четырех монахов из разных английских монастырей повесили умирать на зубцах городской стены Йорка. Палачи были неистощимы на выдумку, и 29 мая того же года большую группу лондонских картезианцев отправили в тюрьму Ньюгейт: их сковали цепями в положении стоя, руки привязали к столбам, находившимся за их спиной, и так оставили умирать от истощения. Последний из обитателей лондонского монастыря был «повешен, выпотрошен и четвертован» 4 августа 1540 года, но еще раньше, в ноябре 1538 года, лондонский Дом прекратил существование, а много лет спустя все невинно убиенные монахи были признаны святыми католической церкви.

Рис. 8. *Казнь «потрошением»*

После смерти Хоутона место приора Чартерхауса оставалось вакантным. Среди тех, кто хотел бы его занять, был Эдмунд Хорд, который еще в начале сентября 1534 года счел необходимым письменно обратиться к королю с заверением

о своей лояльности и одобрении Законов о престолонаследии и о верховенстве. Хорда поддержал важный иерарх – архиепископ Йоркский Эдуард Ли (ок. 1482–1544)³², рекомендовавший его Кромвелю (от которого фактически зависело решение вопроса, хотя формально приора должны были выбрать оставшиеся в живых насельники монастыря). Продумав около года, Кромвель остановил свой выбор не Хорде, а на Уильяме Треффорде, бывшим одно время прокуратором Бовельского приората³³. Он первоначально категорически отказывался признать новые законы, но затем капитулировал и полностью подчинился воле Кромвеля (после разгона монастыря правительство наградило его щедрой пенсией).

³² Второй по старшинству среди английских архиепископов.

³³ Основан в 1343 году в деревне Бовель (графство Ноттингемшир).

Тайный агент

Кто вы, доктор Борд?

Хотя Борд и признал один из новых законов, жизнь в атмосфере постоянного страха было для него нелегким испытанием. Впоследствии он писал, что во время этой «религиозной чистки» его душа находилась в «тюрьме» и он пребывал «в непосильном рабстве, как телесном, так и духовном».

И тут ему на помощь неожиданно пришел Томас Кромвель! Этот человек сыграл значительную роль в жизни Борда, и поэтому нельзя не познакомить с ним читателя (**рис. 9**).

Рис. 9. *Томас Кромвель*

Внук кузнеца, сын пивовара и кабатчика, Томас Кромвель (ок. 1485–1540) рано покинул отчий дом и начал вести полную приключений жизнь в Англии и на континенте. Он служил наемником во французской армии, был банковским клерком в Италии, доверенным лицом английских купцов в Нидерландах, торговцем тканями, успешным лондонским адвокатом и, наконец, секретарем и правой рукой всемогущего Томаса Уолси (ок. 1473–1530), архиепископа Йорского, кардинала и Лорда-канцлера.

После того, как в 1530 году его патрон попал в королевскую немилость и был отстранен от всех

государственных дел, Кромвель успешно заменил его в качестве советника Генриха VIII, став фактическим руководителем всей внешней и внутренней политики государства. Он был вдохновителем английской Реформации, одним из создателей англиканской церкви, разработчиком новых законов, укреплявших королевский абсолютизм, проводником политики усиления влияния Англии в Шотландии, Уэльсе и Ирландии.

Проницательный, расчетливый и практичный, он вовремя замечал малейшие изменения в быстро меняющихся настроениях своего повелителя. Следствием королевского благоволения стали его новые должности: член Тайного совета, канцлер казначейства, лорд-хранитель Большой печати Англии, государственный секретарь, генеральный викарий по церковным делам³³. В апреле 1540 году Генрих VIII удостоил Кромвеля, человека, вышедшего из самых низов общества, титулом графа Эссекского. Однако не всегда удачная внешняя политика государственного секретаря и дворцовые интриги привели к тому, что через несколько месяцев после возведения в графское достоинство он был обвинен в государственной измене, и в конце июля того же года кончил жизнь на эшафоте.

«Его ненавидели повсеместно, часто руководствуясь совершенно противоположными побуждениями: не было такого слоя общества, на поддержку или просто симпатию которого он мог рассчитывать. Для простого народа он был организатором кровавых

преследований, душителем выступлений против новых поборов, тягот, которые обрушились на крестьян после закрытия монастырей. Для знати он был выскочкой – простолюдином, занявшим не подобающее ему место при дворе. Католики (особенно клир) не простили ему разрыва с Римом и подчинения церкви королю, расхищения церковных земель и богатств, покровительства лютеранам. А те в свою очередь обвиняли министра в преследовании новой, «истинной» веры, в снисходительном отношении к католикам. Имели свой длинный счет к Кромвелю шотландцы, ирландцы, жители Уэльса» (Е.Б. Черняк).

Итак, Государственный секретарь был сложной, противоречивой фигурой английского Ренессанса, жестким, а иногда и жестоким администратором, но при этом охотно покровительствовал людям искусства: в его доме долгое время жил знаменитый немецкий живописец Ганс Гольбейн-мл. (1497–1543), его другом был крупный поэт и дипломат Томас Уайетт-ст. (1503–1542). Деятельность Кромвеля принесла результаты, которые по достоинству были оценены много лет спустя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.